

ГУЛИК Оксана Олеговна

**НАЦИОНАЛЬНО-ОБУСЛОВЛЕННЫЕ МОДЕЛИ
ГЕНДЕРНОЙ МЕТАФОРИЗАЦИИ ЗООНИМОВ В РУССКОМ
ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ И ИХ ЯЗЫКОВАЯ
ОБЪЕКТИВАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ**

Специальность 10.02.01 — русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Нижний Новгород — 2019

Работа выполнена на кафедре современного русского языка и общего языкознания ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Радбиль Тимур Беньюминович

Официальные оппоненты:

Ковшова Мария Львовна, доктор филологических наук, ФГБУН Институт языкознания РАН, сектор теоретического языкознания, ведущий научный сотрудник;

Милованова Мария Станиславовна, доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина», кафедра общего и русского языкознания, профессор, заместитель заведующего кафедрой по научной работе.

Ведущая организация:

ФГАОУ ВО «НИУ «Высшая школа экономики» – Нижний Новгород

Защита состоится _____ 2019 г. в _____ на заседании диссертационного совета Д 999.061.03, созданного на базе ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского», ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина», ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева», по адресу: 603000, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, 37.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского» по адресу: 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23 – и на сайте <http://diss.unn.ru>

Автореферат разослан _____ 2019 года

Ученый секретарь
диссертационного совета

Юхнова Ирина Сергеевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование посвящено комплексному описанию национально-обусловленных моделей гендерной метафоризации зоонимов в русской языковой картине мира и особенностей их языкового воплощения в современной русской речи.

С появлением когнитивно-дискурсивной парадигмы осмысление коммуникативной функции языка перешло на новый уровень, интерес научного общества обратился к изучению знакомых лингвистических явлений с позиций новых интерпретационных возможностей. Гендерно-маркированная метафора стала объектом, позволяющим отследить структуру и способ организации идеализированных когнитивных моделей, отвечающих за получение и ментальную обработку информации. Рассмотрение гендера как категории способствует развитию активно формирующегося направления когнитивной гендерологии.

Актуальность исследования определяется научной и общекультурной значимостью лингвокогнитивного изучения гендера как ключевой категории в процессе формирования национального самосознания посредством применения востребованных в современном гуманитарном знании антропоцентрического, лингвокогнитивного и лингвокультурологического подходов и научно-практического инструментария современной корпусной лингвистики.

Объектом исследования является гендер как одна из определяющих антропоморфных категорий, представленная в национальном сознании и объективируемая в языковой системе посредством различных проявлений концептуальной гендерно-маркированной метафоры.

Предметом исследования выступают языковые и речевые антропоморфные метафорические гендерно-маркированные значения, реализованные в современном лексикографическом описании и контекстах Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Цель исследования — определить особенности языковых средств реализации национально-обусловленных моделей гендерной метафоризации, а также их речевого воплощения с целью выявления актуальных компонентов значения,

конструирующих гендерную идентичность в сознании современного носителя русского языка на материале гендерно-маркированной зоометафоры.

Представленная цель предполагает решение следующих **задач исследования:**

1) изучить подходы к определению когнитивной категории, теоретических принципов ее исследования, ее структурной и содержательной организации и на этой базе обосновать концепцию работы;

2) в лингвокогнитивном и лингвокультурологическом освещении рассмотреть концептуализацию и категоризацию как основные мыслительные процессы, позволяющие выделить когнитивные классификационные признаки посредством анализа языковых единиц;

3) на материале лексикографических источников определить состав и дифференцирующие признаки категории, реализуемой посредством языковой зоометафоры;

4) верифицировать полученные классификационные признаки, семантическую структуру и объем гендера как категории по данным национального корпуса русского языка;

5) определить новые явления в дискурсивном варьировании лексем, конструирующих метафорическую модель **«человек/мужчина/женщина — это животное»** посредством их текстовой реализации на материалах Национального корпуса русского языка;

6) рассмотреть самые частотные способы речевой реализации гендероориентированной зоометафоры в функции ласкового или инвективного обращения;

7) проанализировать контекстуальное окружение гендерно-маркированной зоометафоры с целью выявления национально-специфического компонента значения, определяющего категорию «гендер» в рассматриваемой лингвокультуре.

Материалы для исследования: (1) данные лексикографических источников — толковых словарей русского языка; (2) материалы Национального корпуса русского языка; (3) данные интернет-мониторинга, проведенного автором.

В качестве **программного обеспечения** использовались: (1) корпусный менеджер Sketch Engine; (2) конкорданс-программа AntConc; (3) вспомогательная программа для создания графов Easy Linavis; (4) программа для построения графов Gephi.

Объем обследованного материала представлен 1228 единицами из лексикографических источников, выраженных различными зоонимами, на базе которых производился отбор антропоморфных метафорических употреблений. Из Национального корпуса русского языка выделено 10 138 контекстов, удовлетворяющих условиям исследования.

Степень изученности вопроса. Метафора как одно из основных языковых средств, обнаруживающее базовые принципы работы сознания, активно рассматривалась в последние десятилетия отечественными и зарубежными учеными. К основным работам можно отнести труды таких авторов, как В. Ю. Апресян, Н. Ф. Алефиренко, Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, Э. В. Будаев, В. Г. Гак, В. З. Демьянков, Е. Ю. Мякова, Е. О. Опарина, Т. В. Симашко, Г. Н. Складневская, Т. Г. Скребцова, В. Н. Телия, А. П. Чудинов. Исследования зарубежных авторов, освещающих вопросы формирования и функционирования метафорических значений, представлены трудами Дж. Лакоффа, М. Джонсона, Макормака, Ж. Фоконье, М. Тернера, М. Блэка, А. Ченки, Р. Крипса, К. Брук-Роуз, Ч. Форсвилля, Р. Гиббса, Дж. Стина, З. Кёвешес, А. Ортони, Р. Барч.

Анималистическая сфера, представляющая собой обширный материал для создания переносных значений на основании схожести внешнего вида, манеры действия и т. п., представляет собой многочисленную группу зоометафор, репрезентированных в любой языковой картине мира. Различные аспекты и особенности данного материала освещались в работах Е. Г. Гусар,

Ю. Г. Завалишиной, Каменской, О. Ю. Семиной, Е. Н. Нагорной, А. О. Кубасовой, О. Б. Манговой, Ц. Ц. Огдоновой и др.

Различия в языковых формах, используемых мужчинами и женщинами, а также постоянно растущее количество вопросов, касающихся природы данного явления, не покидает сферу внимания лингвистов.

Введение гендера как объекта в сферу лингвистического описания произошло в 60–80-е годы XX века под влиянием психологических и социологических исследований. Это позволило сосредоточить внимание на том, что нового привносит данная категория в лингвистическое описание, какие языковые средства используются для конструирования гендерной идентичности, какие из ее параметров носят стабильный/изменчивый характер, какие ограничения в функционировании языка и речи могут накладываться данным параметром, в каких отношениях находятся метагендерный и гендерно-маркированный уровни определенной лингвокультуры, какова специфика функционирования стереотипов феминности и маскулинности в отдельно взятой языковой системе, как соотносятся проявления гендерной идентичности нескольких лингвокультур, как изменяются гендер-конструирующие параметры в диахроническом аспекте, как отражаются процессы глобализации и культурной унификации на функционировании гендерного параметра отдельной лингвокультуры и т. п. Сложность и междисциплинарность рассматриваемого явления обуславливает необходимость его подробного разностороннего описания с привлечением и комбинированием данных и методов смежных лингвистических областей, позволяющих производить адекватное моделирование гендерной концептосферы.

Рассмотрение гендера с антропоцентрических, лингвокультурологических и когнитивных позиций привело к выделению и становлению самостоятельной области знания — **лингвистической гендерологии**. Проявление гендерного параметра в языке и речи рассматривается в значительном количестве работ последних десятилетий. К основным можно отнести труды О. А. Ворониной, А. В. Кириловой, Е. И. Горошко, А. А. Денисовой,

Е. А. Земской, М. А. Китайгородской, Н. Н. Розановой, О. Л. Каменской, И. И. Халеевой и др.

Активная работа по созданию языковых корпусов стимулировала использование данных ресурсов в качестве дополнения к языковому описанию. Возможность анализа макроконтекста, позволяющего использовать данную базу для расширения и уточнения лексикографического описания языковых единиц, освещается в трудах Ю. Д. Апресяна, Е. В. Рыжкиной, Т. Макэнери, Э. Уилсен, Э. Гоутли и др.

Корпусные системы все еще переживают стадию становления, что отражается в ряде проблем, требующих решения. К основным из них относят проблемы метаразметки, снятия многозначности и вопрос репрезентативности комплексной системы. Данные аспекты представлены в работах В. В. Рыкова, С. А. Шарова, А. А. Леонтьева, О. Н. Ляшевской, И. Ю. Семиной и др.

В целом мы можем заключить, что именно гендерно-ориентированная зоометафора по предлагаемой нами исследовательской программе комплексного лингвокогнитивного описания моделей метафоризации еще не исследовалась. Кроме того, мы предлагаем ввести в исследовательский оборот новый материал, связанный с новейшими данными Национального корпуса русского языка, которые показывают специфику именно речевой реализации указанных моделей.

Научная новизна исследования, таким образом, состоит прежде всего во введении в научный оборот нового предмета и материала для анализа в аспекте избранного нами лингвокогнитивного подхода к описанию моделей гендерно-ориентированной концептуальной зоометафоры. Также практически неисследованными в научной литературе являются проанализированные в данной работе особенности именно речевой реализации данных моделей.

Теоретическая значимость исследования состоит в уточнении принципов лингвокогнитивного анализа гендера как категории в аспекте ее национально-специфического содержания, способов экспликации гендерно-маркированных дифференцирующих метафорических значений, рассмотрен-

ных на материале лексикографических источников и Национального корпуса русского языка.

Практическая значимость исследования состоит в возможности применить полученные результаты в вузовских курсах преподавания современного русского языка, в теоретических курсах по лексикологии, стилистике, общему языкознанию, в спецкурсах и спецсеминарах по лингвокультурологии и когнитивной лингвистике, в составлении словарей концептов и лингвокультурных тезаурусов, а также словарей на корпусной основе. Также результаты изучения национально-специфичной инвективной составляющей рассматриваемых единиц могут быть применены в практике производства судебной и внесудебной лингвистической экспертизы по разным категориям дел.

Методологической основой исследования являются теоретические принципы изучения когнитивной категоризации и концептуализации окружающего мира как основных когнитивных операций, представленные в работах Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, В. А. Масловой, Е. С. Кубряковой, Е. В. Дзюбы, Т. В. Романовой, М. С. Миловановой, Э. Рош, Ж. Фоконье, Р. Ленекера, Ч. Филлмора, Р. Гиббса; идеи лингвокультурологического анализа, отраженные в трудах С. А. Аскольдова, С. Г. Воркачева, В. И. Карасика, Д. С. Лихачева, З. Д. Поповой, И. А. Стернина, Т. Б. Радбиля, Ю. С. Степанова, Г. Г. Слышкина, В. Н. Телии, М. Л. Ковшовой; основы описания инвективной лексики, рассмотренные в работах В. И. Жельвиса, М. Д. Бузаджи; исследовательские модели конструирования гендерной идентичности, предложенные в работах А. В. Кирилиной, Е. С. Грищенко, Д. Таннен и др.

Методы и методики исследования определены специфичностью и многогранностью исследуемого материала. В качестве основных использовались метод анализа словарных дефиниций, метод компонентного анализа, метод интерпретативного анализа, метод контекстуального анализа, статистический метод, метод корпусного анализа.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Всестороннее описание такого сложного и многогранного явления, как гендерная категория должно осуществляться посредством комплексного анализа разносторонних (лексикографических, корпусных, экспериментальных и под.) данных, объективирующих языковую и речевую реализацию рассматриваемого феномена.

2. Широкая представленность группы единиц, репрезентирующих модели гендерно-ориентированной зоометафоры в языковой системе, высокая частотность их речевой реализации, эмоциональная насыщенность, оценочный потенциал данных лексем и их активное функционирование в роли гендерно-маркированных значений свидетельствует о важности представленной группы лексики для конструирования национально-специфичной языковой картины мира в целом и гендерной идентичности в частности.

3. Процесс верификации результатов языкового исследования метафорической модели «человек — это животное» на материале Национального корпуса русского языка является обязательным условием для рассмотрения эволюции структуры и содержания гендера как лингвокультурологической категории. Дискурсивное варьирование рассматриваемых антропоморфных зоометафор обнаруживает дополнительные национально-обусловленные компоненты значения, конструирующие гендерную категорию.

4. Метафорическая модель «человек — это животное» проявляет высокую продуктивность при образовании гендерно-маркированных и метагендерных оценочных значений в целом и реализации инвективной интенции в частности. Русская языковая картина мира обнаруживает возможность конструирования инвективного маскулинно-маркированного значения при помощи феминной референции (курицын сын, сукин сын).

5. Использование корпусных материалов для исследования в сочетании с применением адекватного целям программного обеспечения в виде корпусных менеджеров, которое осуществляется в ходе предлагаемого исследования, позволяет получить более детализированные лингвистические результаты

с опорой на значительное количество показательных употреблений лексем — репрезентантов гендерно-ориентированных моделей концептуальных зоометафор.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования были представлены в докладах, которые обсуждались на межвузовских, региональных и международных научно-практических конференциях: IV Новиковские чтения «Функциональная семантика и семиотика знаковых систем» (Международная конференция, Москва, 2014), «Функциональные аспекты языка: традиции и перспективы» (Международная конференция, Н. Новгород, 2014), Конференция памяти основателя кафедры зарубежной лингвистики С. Г. Стерлигова (Региональная конференция, Н. Новгород, 2014), Международный конгресс «Многогранный В. И. Даль и современная филология» (Международная конференция, Н. Новгород, 2015), «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах» (Международная конференция, Челябинск), Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты (Всероссийская конференция, Н. Новгород, 2016).

Исследование обсуждалось на аспирантском семинаре кафедры современного русского языка и общего языкознания и на заседании кафедры современного русского языка и общего языкознания ННГУ им. Н. И. Лобачевского.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка и трех приложений. Объем исследования, не считая приложений, — 215 с. Общий объем исследования — 231 с.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении раскрывается актуальность и научная новизна, обозначаются цель и соответствующие ей задачи, определяется теоретическая и методологическая база, теоретическая и практическая значимость, формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе исследования «Историко-научные и теоретические основы изучения гендерно-маркированных метафор в современном гума-

нитарном знании» освещаются теоретические принципы и концептуальная база, а также обосновывается концепция исследования. В разделе 1.1 рассматриваются основные принципы и направления когнитивно ориентированного лингвокультурологического подхода в современной науке о языке. В разделе 1.2 освещаются когнитивные операции концептуализации и категоризации с позиции лингвокультурологии, раскрывается объем и содержание данных понятий, а также принципы их функционирования с позиции современной когнитивной лингвистики. В разделе 1.3 описываются когнитивные модели зоометафоры в лингвистической гендерологии, уделяется внимание национальной и культурной обусловленности данного явления. В разделе 1.4 излагается обоснование концепции исследования.

На первом этапе исследования был произведен анализ зоообразов, реализующих гендерно-маркированные значения, выявлены основные признаки, доминирующие в конструировании феминно- и маскулинно-маркированных единиц. Далее были проанализированы контексты НКРЯ на предмет совпадения/изменения гендерной референции между зафиксированным языковым значением и его частотной реализацией в речи. Также анализу подверглись зоообразы, обнаруживающие наличие антропоморфного значения, не фиксирующегося в лексикографических источниках. При помощи корпусных менеджеров описание рассматриваемых гендерно-маркированных единиц и гендерно-маркированных пар было дополнено анализом элементов контекста с целью уточнения их культурно-специфического значения. На заключительном этапе исследования анализировалось функционирование аксиологических компонентов речевого значения на основании их гендерной референции.

Во второй главе исследования «Национально-специфичные модели гендерно-ориентированной зоометафоры в языке и речи» освещаются национально-специфичные модели гендерно-ориентированной зоометафоры в языке и речи. В разделе 2.1 рассматривается системно-языковая объективация моделей гендерно-маркированной антропоморфной языковой зоометафоры и особенности ее речевого функционирования. Данный этап анализа необходим

для выявления вектора развития изменений в сознании носителей языка, отражающих представление о мужественности и женственности в определенной культуре. Теория о смыслопорождающей силе контекста обратила исследователей к рассмотрению языковых единиц, участвующих в дискурсивном конструировании гендера как категории, позволяющих реализовывать различные гендер-ориентированные значения, появляющиеся и функционирующие под влиянием соответствующего контекстного окружения.

В подразделе 2.1.1 анализируются особенности национально-обусловленной гендерной категоризации зоометафоры на материале лексикографических источников. Из 1227 единиц, номинирующих животных в лексикографическом описании, было выделено 120 зооединиц, развивших переносное антропоориентированное значение. Имеющийся материал проанализирован на предмет соответствия когнитивной структуре антропоморфной зоометафоры **человек — это животное** с ее возможными гендерно-маркированными вариантами: **женщина — это животное** и **мужчина — это животное**.

Статистический анализ языковых метафор с гендерно-маркированным компонентом позволяет сделать вывод, что:

1) около **72 %** всех зоометафор представляют единицы, построенные по **модели с метагендерной сочетаемостью** (**пиявка** — перен., разг., человек, жадно и злобно эксплуатирующий других; **акула** — корыстный делец, хищнически пользующийся чужим трудом);

2) **14 %** всех маркированных зоометафор построены по **модели с феминно-маркированной сочетаемостью** (**выдра** — простореч., бран., о безобразной, сухопарой женщине; **гусыня** — перен., разг., презрит., о нерасторопной глупой женщине);

3) **12 %** всех маркированных зоометафор представляют единицы, обозначающие лиц мужского пола, и построены по модели с **маскулинно-маркированной сочетаемостью** (**осёл** — перен., бран., глупец, дурак; **кабан** — перен., о грубом, грузном мужчине);

4) около 2 % единиц обнаруживают **двойную гендерную маркированность, которая не равна метагендерной (т. е. единица проявляет возможность сочетания с различными гендерными классами не в рамках единого значения, но в случае его изменения)**, следовательно, обнаруживается возможность участия единицы в разных гендерных классах в зависимости от реализуемого значения: **лев** — м-г. — о ком-л., отличающемся большой силой, храбростью и смелостью; **м. р.** — о мужчине, законодателе мод и правил светского поведения, пользующемся большим успехом у женщин; **петух** — м. г. — о задиристом, запальчивом человеке, **м. р.** — пассивный гомосексуалист.

Представленные цифры позволяют говорить о неярко выраженной, но присутствующей гендерной асимметрии внутри данной парадигмы, что может быть определено как проявление **андроцентризма** в гендерной категоризации.

В ходе анализа зооморфных метафор, построенных по модели **человек — это животное**, выявлено, что все отобранные единицы с точки зрения **гендерной маркированности** можно разделить на две группы:

1. Гендерно-маркированные метафоры, содержащие зоонимы, **противопоставленные по дифференциальному признаку «биологический пол»**, где один или оба компонента обнаруживают способность к метагендерной сочетаемости и выступают в роли зооморфных метафор: **сука** (негодяй, мерзавец) — **кобель** (мужчина, излишне откровенно проявляющий свои физиологические потребности); **лиса** (лукавый, хитрый человек, пролаз, проныра) — **лис** (хитрый, льстивый человек) и т. п.

В представленной группе возможно выделить подгруппу, удовлетворяющую всем требованиям (наличие парного компонента, гендерная маркированность, метагендерная сочетаемость), при этом **только один из членов пары (маркированный мужским родом) фиксируется как существующая в языке зооморфная метафора**: **сокол** (символическое обозначение молодого красавца) — **соколиха** (переносное значение отсутствует); **соловей** (о человеке с чистым, красивым голосом) — **соловьиха** (переносное значение отсутствует).

2. Гендерно-маркированные метафоры с метагендерной сочетаемостью, **но не имеющие парного компонента, противопоставленного по семантическому признаку «биологический пол»**: *рыба* — о вялом, неэнергичном, равнодушном человеке, *сорока* — о болтливом, шумно говорящем человеке, *росомаха* — неряха, малорасторопный человек, *слизняк* — безвольный, бесхарактерный, ничтожный человек и т. п.

3. Гендерно-маркированные метафоры с метагендерной сочетаемостью, которые **в силу языковой традиции соотносятся с лицами только одного пола**: *петух* — о задорном, заносчивом человеке; *барбос* — грубый человек и т. п. Единицы данной группы не используются с лицами женского пола.

4. Гендерно-маркированные метафоры с **неметагендерной сочетаемостью, соотносящиеся только с лицами мужского пола**: *рогозач* — обманутый муж, рогоносец; *саврас* — молодой мужчина, склонный к кутежам, безбашенному разгулу, *битюг* — здоровый, крепкий, плотного сложения мужчина.

5. Гендерно-маркированные метафоры с **неметагендерной сочетаемостью, соотносящиеся только с лицами женского пола**: *корова* (о толстой, неуклюжей и неповоротливой женщине); *бабочка* (1) ласковое обозначение молодой женщины, (2) проститутка (ночная бабочка)).

В подразделе 2.1.2 анализируется семантическая структура гендерно-маркированной зоометафоры в лексико-семантической системе русского языка. Выделяются признаки, положенные в основу переосмысления гендерно-маркированных зоометафор для реализации концептов маскулинности и феминности, представляющие гендер как один из важнейших лингвокультурных концептов — первичное культурное образование, которое транслируется в различные сферы бытия человека, в том числе и в языковую действительность, через прямые или описательные соответствия [Карасик 2002б, с. 129].

К основным антропо-обусловленным гендер-конструирующим признакам можно отнести *«внешний вид лица определенного пола»* и *«манеру действия лица определенного пола»*. Частотно реализуемым признаком данной группы

единиц также является *«комплексная положительная характеристика лица определенного пола»*.

Согласно языковой картине мира (далее по тексту — ЯКМ) маскулинно-маркированные единицы реже содержат компонент значения *«отрицательная характеристика лица»* и чаще актуализируют значения, выражающие положительные качества.

Данные параметры на примере исследуемого языкового материала для удобства восприятия были представлены в графическом формате в табл. 2.1.

Таблица 2.1

Гендерная принадлежность	Отрицательная характеристика лица	Положительная характеристика лица
Лицо мужского пола	25 % «отрицательно оцениваемые черты характера»: <i>грубый, сексуально несдержанный и т. п.</i> 3 % «отрицательно оцениваемые интеллектуальные способности»: <i>глупый</i>	9 % «положительно оцениваемые черты характера»: <i>смелый, сильный и т. п.</i> 27 % «положительно оцениваемый внешний вид»: <i>красивый, крепкий и т. п.</i> 36 % «комплексная положительная характеристика» (через обращение)
Лицо женского пола	21 % «отрицательно оцениваемые черты характера»: <i>злая, ехидная, жестокая и т. п.</i> 9 % «отрицательно оцениваемая манера действия»: <i>неактивная, неповоротливая и т. п.</i> 36 % «отрицательно оцениваемой внешний вид»: <i>безобразная, некрасивая, толстая и т. п.</i>	7 % «положительно оцениваемые черты характера»: <i>кроткая, невинная и т. п.</i> 5 % «положительно оцениваемая манера действия»: <i>активная, энергичная и т. п.</i> 29 % «комплексная положительная характеристика» (через обращение)

В подразделе 2.1.3 описываются особенности речевой реализации моделей гендерно-маркированной зоометафоры посредством анализа контекстов Национального корпуса русского языка. Для этого примерно 120 метафорических зооединиц были проанализированы при помощи методов корпусной лингвистики и корпусных менеджеров: Sketch Engine, Gephi, Easy Linavis, AntConc. Для создания репрезентативной базы для анализа антропоморфной зоометафоры каждая единица, предварительно проанализированная в лексикографических источниках, была рассмотрена на материале 400 документов корпуса, в результате чего сформирована коллекция из 10 000 контекстов.

На следующем этапе работы для получения подкорпуса, удовлетворяющего параметрам анализа, производилась ручная разметка материала с целью выделения гендерного параметра и дифференцирующего признака значения.

Целью корпусного анализа исследуемого материала было:

- **выявить перечень зоообразов**, используемых для конструирования гендерно-маркированных и метагендерных значений на материале современного русского языка;
- установить **самые частотные зоообразы** современного русского языка, соотносимые с гендерно-маркированными смыслами;
- определить **наличие или отсутствие случаев гендерной перекатегоризации** на материале функционирующих зоометафор;
- **определить степень корреляции** между группами признаков, выраженных при помощи языкового и речевого материала;
- **детализировать** гендер-конструирующие признаки, положенные в основу создания метафорических номинаций, характерные для ЯКМ.

Имеющийся речевой материал проанализирован на предмет актуализации признаков, выделенных в процессе языкового анализа. Для удобства восприятия полученные данные представлены в графическом формате в табл. 2.2.

Таблица 2.2

Рассматриваемый материал	Отрицательная характеристика лица	Положительная характеристика лица
ЯКМ, % от общего числа языковых зоометафор	24 %	41 %
Речевая реализация, % от общего числа речевых зоометафор	36 %	13 %

Анализ речевой реализации обнаруживает, что признак **«отрицательная характеристика лица»** встречается чаще, чем в языковом материале, при этом **«положительная характеристика»**, напротив, почти в четыре раза реже.

Самыми частотными подпризнаками на материале анализируемых контекстов стали **«манера действия» (30 %)** и **«внешний вид» (21 %)**.

С точки зрения анализа функционирования гендерной соотнесенности, контексты, выбранные из НКРЯ, являются богатым эмпирическим материалом, результаты исследования которого представляют картину, отличную от языковой. Очевидно, что с точки зрения ЯКМ, все представленные компоненты характеризуются выраженной моногендерной сочетаемостью. Преобладание феминно-маркированных элементов не является фактом, свидетельствующим в

пользу доминирования данного класса, но является следствием проявления языкового андроцентризма, при котором маскулинно-маркированные смыслы могут выражаться посредством слияния с категорией «человек».

Поскольку анализ речевого материала представляет отличную от языковой картину, представляется возможным проанализировать гендерную сочетаемость в ее непосредственном функционировании. Так, единицы, маркируемые в языке сочетанием с одним гендерным классом (в редких случаях с двумя, если единица многозначная), **обнаруживают тенденцию к расширению данного параметра**, демонстрируя сочетаемость с **одним** (29 % от общего числа употреблений), **двумя** (16 %) или **тремя (65 %) гендерными классами**. Отмечается, что единицы, представленные группой из 29 %, не имеют высокой продуктивности в языке (их употребления единичны) или обладают бедной семантической структурой и не могут свидетельствовать о тенденции к развитию гендерной моно-маркированности.

В случае с ЯКМ **гендерная перекатегоризация** может происходить только при условии смены семантического компонента, в то время как речевая реализация не имеет подобного ограничения. Так, компонент «**внешний вид человека**» с реализацией подпризнака «**слишком худой человек**» может функционировать в условиях различной гендерной маркированности: *Дима мутно оглядел психопатку: тощая как **вобла** [А. А. Старобинец. «Семья» (2008)]; Меламед был закоренелый холостяк, тощий, как **вобла**, с провалившимися щеками, усыпанными веснушками, и с рыжими развевающимися волосами, пылавшими, как огненный ореол, вокруг головы [Евгений Евтушенко. «Волчий паспорт» (1999)] [НКРЯ]; компонент «**манера действия**» с реализацией подпризнака «**схожий звук**» демонстрирует аналогичную сочетаемость: *У него не хватало мужества прыгнуть вниз, и он ревел, как **бык**, которого ведут на бойню [Алексей Иванов. «Корабли и Галактика» (1991)]; Она ревет, как могучий **бык**, и от этого невольно идет мороз по коже [А. Куприн. *Via est vita. Бог велик — а лес больше* // «Вокруг света» (1995)] [НКРЯ].**

Анализ рассматриваемого материала на предмет гендерной маркированности свидетельствует о том, что: (1) 75 % языковых единиц с зафиксированной метагендерной сочетаемостью обнаруживают тенденцию речевого употребления с лицом мужского пола (**м-г. ЯКМ → м. р. речевая реализация**); (2) 8 % языковых единиц, соотносимых с лицами мужского пола, сохраняют свою маркированность (**м. р. ЯКМ → м. р. речевая реализация**); (3) 15 % языковых единиц соотносятся с лицами женского пола (**ж. р. ЯКМ → ж. р. речевая реализация**). Из них 1,3 % употреблений проявляют тенденцию речевого функционирования с маскулинной маркированностью; (4) 2 % языковых единиц, демонстрировавших сочетаемость с двумя гендерными классами в различных значениях, характеризуются функционированием в маскулинно-маркированных значениях (**м.р. ЯКМ/м-г. ЯКМ → м. р. речевая реализация**).

Несмотря на то что большинство европейских лингвокультур под влиянием феминистических течений подвергли языковые системы реформационным изменениям с целью нивелирования проявления гендерно-маркированных элементов в языке и речи, русская языковая система на примере рассматриваемого материала не обнаруживает подобной тенденции. Полученные результаты свидетельствуют в пользу укрепления теории языкового андроцентризма, что проявляется в исключительной частоте использования маскулинно-маркированных зоометафор в речевом употреблении, а также в использовании единицы «человек» в значении «мужчина» в лексикографическом описании.

В разделе 2.2 описывается функционирование моделей гендерно-ориентированной зоометафоры в роли обращения, рассматриваются особенности их языковой и речевой реализации. В процессе изучения материала на предварительном, эмпирическом уровне исследования нами было отмечено, что метафора, созданная на основе зообраза, имеет тенденцию использоваться в функции обращения. Сортировка, проведенная при помощи конкорданс-программ AntConc и Sketch Engine, обнаружила, что 2 641 единица из 9 148 отобранных словоупотреблений использовалась в функции обращения.

Было отмечено, что 35 % зоометафор функционируют как **презрительное обращение** и выражают желание говорящего нанести словесную обиду адресату, ввиду чего представляется целесообразным назвать данную группу «инвективные обращения». В целом количество данных единиц оказалось меньше, чем предполагалось, учитывая общеязыковую тенденцию к более частому оязыковлению отрицательных явлений по сравнению с положительными.

Ласковые обращения представлены 60 %, или 1 575 единицами исследуемого материала. При этом 56 %, или 873 употребления, соотносятся с лицами, маркированными женским полом, и 44 %, или 701 употребление, — с мужским.

В противоположность системно-языковой реализации, в которой выделяются 8 зоометафор в функции обращения, основанных на 5 орнитологических образах, речевая реализация данных моделей представлена 81 различным обращением на основе 64 зоообразов. Анализ обнаружил, что орнитологические обращения сохраняют высокую продуктивность и на материале корпусных данных. На основе единого зоообраза функционируют такие обращения, как *голубчик, голубь, голубушка, голубка, голубица; сокол и соколик*.

Временная соотнесенность является важным параметром для определения тенденций речевых употреблений. Следовательно, целесообразным представляется обращать внимание не на сам факт присутствия единицы в удовлетворяющих условиям контекстах, а на выделение обращений, употребление которых было актуализировано в последние годы. Для удобства восприятия полученные данные представлены в графическом формате в табл. 2.3.

Таблица 2.3

Зоообращение/всего кол-во употреблений/всего контекстов	2001 — наст. время	1950–2000	1900–1950	1850–1900	1800–1850
Ворона 3/400*	1	1	-	1	-
Голубчик 846/400**	188	606	30	16	5 (1750 – 1800 : 1)
Голубь 68/400	10	25	33	-	-
Голубка 263/332	12	48	72	125	16
Голубушка 593/400	68	154	363	3	5
Голубица 39/97	2	8	6	13	10
Гусь 20/400	1	11	8	-	-
Гусыня 2/62**	-	1	-	1	-
Курица 10/400	7	3	-	-	-
Ласточка 43/400	12	17	11	3	-
Лебедь 2/400	-	2	-	-	-
Орел 4/400	2	2	-	-	-

Петух 3/400	2	1	-	-	-
Соколик 141/107	5	16	51	64	5
Сокол 15/100	4	7	4	-	-
Соловей 1/400	-	1	-	-	-
Тетеря 12/67*	2	3	4	3	-
Цыпка 6/47	2	2	-	2	-
Цыпочка 19/35	1	10	3	4	1

*Общее количество контекстов, представленное в НКРЯ с данным словоупотреблением.

** Серым выделены единицы, фиксирующие функцию обращения через орнитологический зоообраз в лексикографических источниках.

Можно сделать вывод, что орнитологические образы в функции обращения используются в неравной степени. Наибольшая частотность выявлена у единиц, фиксирующих данную функцию в лексикографических источниках. Однако отдельные зоометафоры (*цыпочка, цыпка, лебедь*) демонстрируют низкую частотность употребления, даже имея указанный параметр, что свидетельствует об их меньшей значимости в сознании носителей данной культуры.

Из всех рассматриваемых единиц самую высокую частотность, помимо орнитологических употреблений, демонстрируют компоненты *гад* (150), *гадюка* (44), *карга* (56), *кобыла* (50), *козел* (79), *скотина* (167).

В процессе создания и разметки собственного подкорпуса все обращения были подразделены на две группы: (а) обращения, выражающие положительное отношение; (б) обращения, выражающие отрицательное отношение к адресату.

Было определено, что негативно окрашенные единицы встречаются в речевой реализации в 1,6 раза чаще, чем элементы первой группы. Данные результаты совпадают с общеязыковой тенденцией к более подробному оязыковлению отрицательных явлений по сравнению с положительными.

В процессе анализа были зафиксированы отдельные случаи подмены гендерной маркированности единиц, устойчиво функционирующих в определенном гендерном классе. Использование маскулинно-маркированного зоообраза в функции обращения к лицу женского пола можно проиллюстрировать следующими примерами: использование зоообраза «кобыла ж. р.» для «кобыла м. р.»: *Не танцы тебе нужны, **кобыла старая**, и не бабы, — наставительно произнес Форкоп, наливая [Борис Екимов. Высшая мера (1995)] [НКРЯ]*; использование зоообраза «сучка ж. р.» для «сучка м. р.»: — *Ты что, **сучка**, в одежде разлег-*

лась? — Он дал подзатыльник симпатичному молодому пареньку с округлыми формами [Виктор Доценко. Срок для Бешеного (1993)] [НКРЯ] и т. п.

При смене гендерного класса наблюдается тенденция не соплагать элементы, напрямую маркированные противоположными полами: например, *он гадюка, она голубок*, но заменять их на имя собственное или компоненты, имеющие метагендерную соотнесенность: *ты гадюка, голубок мой* (отсутствие гендерно-маркированного элемента, относящегося к лицу описания) и т. п.

Было установлено, что исключительно значимыми в функции обращения для русской ЯКМ являются образы, созданные на основе орнитологических зоометафор. Они представляют собой самую частотную группу единиц, которые обнаруживают высокую производную продуктивность при использовании меньшего количества зообразов и превосходят по числу образования подобных единиц маммологические и ихтиологические образы.

Выделен ряд употребительных обращений типа *гад, гадюка, скотина, сучка, козел, коза, карга*, не зафиксированных в современных лексикографических источниках в данном значении (фиксируются только в значении отрицательной характеристики лица). Частота их использования свидетельствует о том, что существует необходимость добавить дополнительные сведения к описанию данных единиц, хотя бы в виде бета-значений.

Выявлены случаи изменения коннотации, зафиксированной в лексикографических источниках, на противоположную, функционирующую в речи. Процесс может сопровождаться изменением класса гендерной маркированности. Обнаружены отдельные случаи подмены гендерной маркированности единиц в случае узуального функционирования (голубчик м. р. → голубчик ж. р.; голубушка ж. р. → голубушка м. р.; ласточка ж. р. → ласточка м. р. и т. п.);

Несмотря на активное использование орнитологического зообраза для создания ласковых обращений, доминирует отрицательная коннотация, что свидетельствует о потребности сознания оязыковлять отрицательные явления действительности и их деятелей как потенциально опасных для говорящего.

В разделе 2.3 анализируется инвективное функционирование гендерно-ориентированных антропоморфных зоометафор. Учитывая тот факт, что ментальное пространство «животное» обладает целым комплексом признаков, легко проецируемых на пространство «человек», данный тип зооинвектив является высокопродуктивным во многих языках, отражая специфичность, присущую конкретной ЯКМ. Анализируя инвективные употребления, можно получить представление о **системе ценностей/антиценностей носителей исследуемого языка относительно гендерно-предписанных норм** функционирования в обществе. Анализ показал, что 43 % рассмотренных гендерно-маркированных зоометафор функционируют в качестве инвективных употреблений, но частота реализации данной интенции в единицах значительно разнится.

К самым продуктивным в этом отношении зоообразам можно отнести: *скотина* (163), *гад* (149), *козел* (82), *сука* (65), *карга* (55), *гадюка* (44), *кобель* (32), *свинья* (30), *скот* (28), *гнида* (26), *коза* (29), *жаба* (19), *кобыла* (19)¹. В скобках приведено количество контекстов НКРЯ с участием данного зообраза, реализующих только инвективную интенцию.

Самыми частотными семантическими компонентами для реализации и уточнения подобного значения являются: (1) **отрицательно оцениваемый внешний вид**: лапчатый, щипаный, стоголовый, бесхвостая, волосатая, старый, пучеглазый, вислоухий, безрогий, рваный, лысый, усатый, невымытый, хромоногая, мокрая, облезлая, драная и т. п.; (2) **отрицательно оцениваемое поведение**: паскудный, сентиментальный, самонадеянный, бесстыжий, бессовестный, трусливый, отвязный и т. п.; (3) **отрицательно оцениваемые интеллектуальные способности**: глупая, тупая, бестолковая, безмозглый.

В качестве компонентов, придающих большую интенсивность инвективному значению, используются прилагательные со значением: (1) **манеры действия**: прямоходящий, ползучий и т. п.; (2) **незавершенности действия**: недоделанный, недострелянный и т. п.; (3) **места обитания/происхождения**: болот-

---

¹ В скобках приведено количество контекстов НКРЯ с участием данного зообраза, реализующих только инвективную интенцию.

ная, амбарная, подколодная, детдомовский и т. п.; (4) **политической принадлежности**: красный, эсэсовский, петлюровский; (5) **национальной принадлежности**: кавказский, осетинский, узбекский, татарский, (тифлисский); (6) **библейской референции**: каинский, дьявольский, адов.

Комплексная отрицательная оценка выражается при помощи адъективных единиц: чмошный, паршивый, проклятый, дохлая, гремучая и т. п.

Отмечены случаи аксиологической амбивалентности в рамках отдельного зоообраза. Так, единица *голубушка* демонстрирует высокую частотность функционирования национально-специфичного значения «ласковое обращение к лицу женского пола», однако на материале НКРЯ обнаруживаются контекстные употребления, где преобладающим является значение «презрительное обращение к лицу женского пола», уточняющееся субстантивными коллокатами со значением отрицательной характеристики лица: — *Что же вы стоите, голубушка, как дура?* [В. П. Катаев. *Ребенок (1929)*] [НКРЯ]. Подобная тенденция обнаруживается и в функционировании единицы «голубчик».

Одним из способов конструирования маскулинно-маркированной инвективной интенции является прямая референция с феминно-маркированным зоообразом: *Дурак, бездельник, лентяй, грязная муха, мокрая курица, дерьмо...* [Леонид Млечин. *Антисистемная ошибка // «Огонек» (2014)*] [НКРЯ], или опосредованно: *сукин же ты рассын, сукин кот, курицын сын*. Противоположный процесс соотнесения маскулинного зоообраза и феминно-маркированного компонента не приводит к тождественному результату. В данном случае реализуется значение положительной характеристики, которая традиционно имеет референцию с лицом мужского пола: *Только мама была не курица, а ястреб, в семье её все боялись, и дядя Иосиф боялся* [Анатолий Рыбаков. *Тяжелый песок (1975-1977)*] [НКРЯ].

В разделе 2.4 проводится анализ контекстуального окружения частотных гендерно-ориентированных зоометафор, определенных посредством сплошной выборки из Национального корпуса русского языка. Лингвокультурное содер-

жание данных единиц уточнялось при помощи корпусных менеджеров AntConc и Sketch Engine.

Представляется целесообразным производить сортировку контекстов на предмет выявления: (1) описательного элемента, уточняющего содержание; (2) замещающего/дополняющего элемента, контекстуально приравниваемого к значению рассматриваемой единицы; (3) элемента, выражающего действие, ассоциируемое с объектом.

Сортировка объектов производилась при помощи функции Word Sketch корпусного менеджера Sketch Engine, полученные данные проверялись посредством конкорданс-программы AntConc. Из созданного подкорпуса выбраны 15 самых частотных зоометафор: **голубчик** (2,000/млн)², **голубушка** (1,642/млн), **гад** (1,850/млн), **скотина** (1,315/млн), **козел** (1,174/млн), **щенок** (454), **свинья** (888/млн), **сука** (548/млн), **гусь** (476/млн), **баран** (473/млн), **соколик** (217/млн), **бык** (294/млн), **червь** (350/млн), **боров** (265/млн), **заяц** (267/млн).

Частота использования зоокомпонентов в речевой реализации, исходя из полученных наблюдений, объясняется: (а) **широким импликационалом речевых значений, варьирующим комбинаторность компонентов слабой семантики** в зависимости от контекста, интенций говорящего и т. п.; (б) **высокой степенью компрессии при выражении комплексных значений**, достигающейся устойчивым и длительным функционированием представленных единиц в культурном коде рассматриваемой языковой среды; (в) **наличием ярко выраженного эмоционально-оценочного компонента**, имеющего корреляцию с частотой использования данных единиц в языковой системе в целом и ранжирующей степень их частотности внутри рассматриваемой группы антропоморфных зоометафор в частности.

С точки зрения выявления изменений в плане соотношения **гендерной маркированности языковой объективации и речевой реализации антропоморфных зоометафор**, было установлено следующее: (1) **73 %** самых частотных

---

² Относительная частота метафорического употребления словарной единицы, получаемая в результате соотношения ее абсолютной частоты и длины корпуса.

зоометафор изменили гендерную референцию с общего рода на мужской: гад м-г. → м.р. (98 %), скотина м-г. → м. р. (81 %), козел м-г. → м.р. (99 %), щенок м-г. → м.р., свинья м-г. → м.р. (70 %), гусь м-г. → м.р. (92 %), баран м-г. → м.р. (93 %), бык м-г. → м.р. (95 %), червь м-г. → м.р. (75 %), боров м-г. → м.р. (96 %), заяц м-г. → м.р. (71 %); (2) 21 % самых частотных зоометафор сохранили свою гендерную референцию: голубчик м.р. → м.р., голубушка ж.р. → ж.р., соколик м.р. → м.р.; (3) 6 % не имевших языковой единицы в подобном значении, но относящиеся к самым частотным зоообразам, установили гендерную референцию, совпадающую с грамматическим родом: сучка → ж. р.

В целом в ЯКМ 16 % антропоморфных зоометафор имели референцию с лицами женского пола, 7 % соотносились с лицами мужского пола и 77 % определялись метагендерной сочетаемостью.

Анализ не обнаружил значительных различий в потенциале и возможности развивать новые речевые значения у единиц, маркированных разным родом. Речевая реализация всех маркированных компонентов представлена дробной семантической структурой, компоненты которой дифференцируются при помощи многочисленных коллокатов.

В разделе 2.5 описываются выявленные гендерные пары антропоморфных зоометафор (типа *голубь* — *голубка*) на предмет совпадений и различий в семантической структуре феминно- и маскулинно-маркированных элементов оппозиции, освещается специфика языковой актуализации и их речевого функционирования.

Полярные элементы представленных пар проанализированы как бинарные оппозиции на предмет продуктивности развития в маркированных элементах, проявления комбинаторных возможностей, совпадения выражаемых признаков и изменения коннотации.

Анализ гендерно-маркированных компонентов созданного подкорпуса позволил составить 15 гендерных пар: гад — гадюка, голубь — голубка, голубь — голубушка, голубь — голубица, гусь — гусыня, кобыла — жеребец,

кобель — сука, кот — кошка, бык — корова, козел — коза, петух — курица, орел — орлица, морж — моржиха, тигр — тигрица, баран/боров — ярочка. В большинстве гендерных пар существуют пересечения отдельных семантических признаков, которые также присутствуют в их независимом употреблении.

В заключении содержатся основные результаты анализа и намечаются перспективы дальнейшего исследования. Поскольку гендер как категория имеет тенденцию структурно и содержательно усложняться в процессе развития языковой личности, представляется целесообразным подробное его рассмотрение в связи с другими антропоцентрическими параметрами, такими, как возраст, референция с определенной социальной группой, социальный статус и т. п. Это позволит выделить степень градации и проявления гендер-ориентированных признаков внутри описываемых подкатегорий «мужчина» и «женщина».

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

А. Публикации в научных изданиях, рекомендованных ВАК:

1. **Гулик О. О., Кузнецова Н. В.** Зооморфная когнитивная метафора [Текст] // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. — 2013. — № 4 (2). — С. 4–9.
2. **Гулик О. О.** Гендерный аспект зооморфных метафор [Текст] // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. — 2014. — № 2 (2). — С. 366–368.
3. **Гулик О. О.** Зооморфная гендерно-маркированная когнитивная метафора в реализации языковой картины мира [Текст] // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2015. — № 1. — С. 22–25.

Б. Публикации в других научных изданиях:

4. **Антипова О. О.** К вопросу о гендерной категоризации [Текст] // Приоритетные научные направления и критические технологии. — 2018. — № 1. — С. 59–62.
5. **Антипова О. О.** Антропоморфные зоометафоры с инвективной интенцией [Текст] // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. — Челябинск : Энциклопедия. — 2016. — № 1. — С. 19–22.
6. **Антипова О. О.** Гендерно-маркированная метафора с компонентом зоонимом (на материале инвективной лексики) [Текст] // Материалы международного конгресса «Многогранный В. И. Даль и современная филология» / — Нижний Новгород : Терра Инкогнита. — 2016. — С. 18–22.
7. **Антипова О. О.** Гендерно-маркированные зоометафоры и их инвективный потенциал [Текст] // Межвузовский сборник науч. тр. «Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты». — Тверь : ТГУ. — 2016. — Вып. 34. — С. 125–129.
8. **Антипова О. О.** Некоторые способы контекстной реализации концепта «гендер» (на материале гендерно-маркированной зоометафоры) [Текст] // Функциональные аспекты языка: традиции и перспективы: материалы Чтений памяти профессора А. Т. Кукушкиной (г. Нижний Новгород, 2016 г.). Часть II. — Нижний Новгород : ФГБОУ ВПО «НГЛУ». — 2016. — С. 57–61.